

Почему Голядкина зовут "Яков Петрович"?

О.Г. ДИЛАКТОРСКАЯ,
кандидат филологических наук

На первый взгляд, нет более праздного вопроса, чем тот, который поставлен в заглавии. Почему Наташу Ростову зовут *Наташей*, а Обломова *Ильёй*? Башмачкина – *Акакием Акакиевичем*, а Лаврецкого – *Фёдором Ивановичем*? Случайно или преднамеренно выбрано имя? В художественном тексте, как правило, за именем может скрываться не только прототип, но и особая система значений, проясняющих иногда весь характер персонажа, носителя имени.

Для Ф.М. Достоевского *имя* – это *идея* человека, как и для Платона. Имя героя выдаёт его *второе я*, глубинную сущность. От значения имени строится концепция образа: *Анастасия* – воскресшая; *Аглая* – красота ("Идиот"); *Дмитрий* – земля, почва; *Алексей* – заступник, покровитель ("Братья Карамазовы") и т.д. Значения имени выявляют связь героев с их именными покровителями, святыми: Алексея Карамазова – с Алексеем, человеком Божиим (Ветловская В.Е. Поэтика романа "Братья Карамазовы". Л., 1977. С. 174); старца Зосимы – со св. Зосимой, основателем Соловецкого монастыря.

Имя *Яков Петрович* в "Двойнике" точно так же концептуально и в применении к титульному советнику загадочно. В прототипы героя Достоевского давно выдвинут, например, писатель 40-х годов XIX века *Яков Петрович* Бутков, человек тихий и скромный, вечно зависимый от работодателей (Альтман М.С. Достоевский. По векам имён. Саратов, 1975. С. 16). Эта проблема при рассмотрении прототипических связей осложняется, например, тем, что у Голядкина есть именная двойник. Он наречён так же, как и главный герой. Хотя по принципу

зеркальных отражений должна была произойти метаморфоза имени, как это и показывает Достоевский в другом случае именной трансформации: Семён Иванович и Иван Семёнович. "Обратное" изображение, по логике, потребовало бы появления имени *Пётр Яковлевич*. Конечно, такая проекция открыла бы имя человека, известного всей России, друга А.С. Пушкина и многих декабристов, объявленного сумасшедшим за дерзость иметь своё мнение и жить по своим правилам: *Петра Яковлевича* Чаадаева. Не абсурд ли это? Однако почему же всё-таки возникают эти излишние ассоциации?

Оказывается, в художественном тексте всё имеет свой закономерный смысл. Тема двойника в повести Достоевского выявляет эту, казалось бы, совершенно неожиданную связь. Дело в том, что Пётр Яковлевич Чаадаев создал своего слугу Ивана Яковлевича как собственное повторение, сделал его своим настоящим двойником. Игра Чаадаева в двойника не прошла мимо внимания его современников, людей романтической эпохи. И Пушкин, и Д.Н. Свербеев разглядели чаадаевского камердинера и его роль при барине (Свербеев Д.Н. Записки. М., 1899. Т. 2. С. 240). Москвич Достоевский мог знать или слышать об этой странности опального кумира, об этом своеобразном двубличном проявлении личности. Писателя мог привлечь этот социально-психологический феномен, эксперимент удвоения, синхронного и одновременно параллельного гротескного существования. В тексте "Двойника" явно ощутим чаадаевский синдром и в главной авторской идее, и в мелких деталях развития сюжетного действия, и в ономастике, подборе имени и отчества героя.

Например, в перекличку вступает мотив безумия чиновника, дерзко вознамерившегося вести себя как равный в кругу высшего начальства, сразу оказавшегося под давлением самовластья правителей департамента и в результате уволенного со службы. Скандальная история Чаадаева, дерзкое неповиновение, отставка, объявление сумасшедшим московского мыслителя (всё это, к тому же преувеличенное в устах молвы) могло послужить для Достоевского поводом для размышления о судьбе человека в самодержавной России. Возможно, в поддержку этой параллели писатель оставляет ещё один намёк. Голядкин – "не здешний родом" (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 149; далее – только том и стр.), то есть не петербургский, а *московский*, если проникнуть в этнографические и этимологические корни фамилии героя: Голядкин – от "голяди", по имени подмосковного урочища (Топоров В.Н. Ещё раз об "умышленности" Достоевского // *Finitus duodecim Lustris* / Сб. ст. к 60-летию Ю.М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 128). "Обратное" изображение (Яков Петрович – Пётр Яковлевич) предполагает ничтожность одного и великость другого, вместе с тем обобщает их судьбы одним опытом.

Имя героя по святцам: *Иаков*. По мысли С.Н. Булгакова, "именование имеет (...) фатальный характер", имя, как корень, как стержень, проходит через человека, как через почву, отбрасывая на судьбу личности свою идею (Булгаков С., протоиерей. Философия имени. М., 1977. С. 190).

Вместе с темой близнецов имя героя неотвратимо влечётся к имени библейского патриарха Иакова: за ним скрывается "сюжетный архетип" (Захаров В.Н. Библейский архетип "Двойника" Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы. Межвуз. сб. Петрозаводск, 1990. С. 104). Коварный близнец, Голядкин-младший, похитил, как и младший Иаков, первородство старшего, получив благословение отцов-начальников.

Достоевский "примеряет" к характерам обоих героев смысловую квинтэссенцию имени: "Иаков" с еврейского переводится как "запина-тель", "держась за пяту" (Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 563). Способность запинаться – это коренное отличие Голядкина-старшего, проявляющееся и в его речи, и в его походке. Писатель мог знать и перевод имени "Иакова" – "вытесняющий", "выживающий": в этой главной сущности выражен весь характер Голядкина-младшего (Библейская энциклопедия. М., 1991. С. 310).

У героя Достоевского двусоставное имя: *Яков* и *Пётр* (Петрович). Почему писатель выбирает этот вариант, а не Яков, допустим, *Алексеевич*, *Фёдорович*, *Михайлович*? Что их соединяет или что их разделяет?

Если учесть, что Яков – от Иакова, библейского патриарха, то Пётр (Петрович) – от апостола Петра. Какой сюжет может способствовать объединению двух частей имени? Обратимся к легендам.

В библейском сюжете об Иакове, кроме мифа о рождении и похищении первородства, канонизирован миф о видении во сне лестницы, соединяющей землю с небом. По пробуждении Иаков понял, что выбранное им место – "дом Божий", "врата небесные", "взял камень, который он положил изголовьем, и поставил его памятником", сказав: "этот камень, который я поставил памятником, будет домом Божиим" (Бытие. 28, 11–12). Легко увидеть, что в мифе мотив *лестницы* соединён с мотивом *камня*, положенного в основание *дома/храма*. По лестнице вверх устремлён во сне путь Иакова к вратам небесным.

В евангельском сюжете Иисус дал своему ученику имя *Пётр*, которое означает *камень*, сказав: "...ты – Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её. И дам тебе ключи Царства Небесного; а что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах" (Матф. 16, 18–19). И опять соединяются мотивы *камня*, основания для церкви (Божьего дома на земле), и мотив пути к небесным вратам,

который оформился в религиозном сознании христиан как мотив *лестницы*.

В библейском и евангельском мифах Иаков и Пётр соотносены с идеей лестницы – пути к Богу, в рай. На этом пути для человеческой души определяется или вечная жизнь, или вечная гибель. Лестница Иакова и лестница Петра – это символ религиозной аскезы, духовная вертикаль, определяющая путь праведников и святых.

У Достоевского имя героя рождается на пересечении разнообразных аллюзий, а образ Голядкина в этой связи "учитывает" различные прототипы: *Якова Петровича* Буткова и *Петра Яковлевича* Чаадаева, библейского *Иакова* и евангельского *Петра*, который, кстати, был патроном Санкт-Петербурга, города святого Петра, а *Яков Петрович* Голядкин – сын города, невольный наследник его истории. Писатель в имени героя "стягивает" идеи, идущие от Ветхого и Нового Заветов, контаминирует их. Философия имени вводит в образ героя "петербургской поэмы" максимум этических норм, сформированных ещё в далёкой древности.

В русском мире со времён Петра I была выстроена лестница социальных иерархий – петровская Табель о рангах: горизонтальная модель преуспевания личности, знак её общественных заслуг. В отчестве героя "Петрович" исследователи давно подозревали связь с "петровской темой" (Ветловская В.Е. Достоевский // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л., 1982. С 55–56; Захаров В.Н. Библейский архетип "Двойника" Достоевского. С. 103). Самим именем в сущность личности Голядкина автор изначально вкладывает особую информацию: возможного для героя духовного восхождения, как для Иакова, и его земного социального существования по правилам, установленным Петром I для всех сынов России.

Так в имени, как в фокусе, автор высвечивает концепцию богословского понимания горнего и дольного пути человека. Философия имени поддерживает таким образом событийную линию повести: путь маягы героя, то устремлённого уловить чин, продвигаясь по лестнице чиновной иерархии, то охваченного желанием добродетельной смиренной жизни. Двоящийся образ Голядкина как бы получает оправдание и объяснение в его имени.

Идею голядкинской личности, человека с *двоящимися мыслями*, Достоевский мог усвоить у апостола Иакова в его "Соборном послании": "Человек с двоящимися мыслями не твёрд во всех путях своих" (гл. 1, 8). Эта посылка стала опорой для писателя в изображении характера героя, поисков его пути. В "Двойнике" показан тип, лишённый твёрдости в своих воззрениях, устойчивости в жизненной позиции, смятённый в своём сознании, блуждающий по дороге жизни. Автор эту неявную аллюзию поддерживает дополнительным указанием: симво-

лом тезоименности, подталкивая ассоциации читателя к их источнику. Неслучайность возникшей параллели подтверждается ещё одним обращением Достоевского к тексту "Посланий". Апостол Иаков говорит: "Кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале. Он посмотрел на себя, отошёл, и тотчас забыл, каков он" (гл. 1, 23–24). Вспоминается сцена, когда Голядкин рассматривает себя в зеркале, оставаясь совершенно довольным изображением, хотя "заспанная, подслеповатая и довольно оплешивевшая фигура (...) не останавливала на себе решительно ничего исключительного внимания" (1, 109–110). Герой так и не увидел истинного лица своего, готовясь к маскарадному выезду в голубой карете, к ложному пути: "посмотрел на себя, отошёл, и тотчас забыл, каков он".

В суетливом преодолении ступени за ступенью страдающая в житейских муках душа господина Голядкина не обретает очищения. Это тоже как бы предусматривается сочетанием в имени героя двух взаимоисключающих тенденций (Иаков + Пётр – вертикаль и горизонталь), гасящих друг друга. Голядкин – герой с "нулевым" результатом, который не дерзнул на зло и не совершил добра, не поднялся по духовной лестнице, но и не продвинулся вперёд – к богатству и чинам. *Идея* имени фатально определила его характер и жизненную дорогу.

Владивосток